

Ярослав Грицак

Развитие украинской культуры памяти после 1991 года: пример Степана Бандеры*

Вместо вступления: некоторые особенности украинской ситуации

Сразу признаюсь, что не слишком люблю тему исторической памяти в Украине. И я не один такой. До сих пор я не встречал ни одного профессионального историка, который не относился бы к исторической памяти без определенной меры идиосинкразии. Причина простая: историческая память – это не история. Историческая память – это искажение истории. Как писал Эрнест Ренан (передаю его слова в несколько вольном изложении), «неправильное понимание истории является базовым условием существования нации»¹. Иными словами, если бы историческая память соответствовала истории, нации бы перестали существовать.

Конечно, глупо было бы выступать против исторической памяти как общественного явления. Я тоже не считаю достойным занятием для историка строить свою академическую карьеру на деконструкции мифов, из которых состоит эта память: ведь она по определению должна быть мифологической. Но в нашей профессии мы наблюдаем достаточно опасную тенденцию, когда изучение исторической памяти вытесняет изучение прошлого как совокупность исторических фактов и явлений. В какой-то мере это означает капитуляцию истории как науки – надеюсь, однако, что временную².

В наших странах – в Польше, Украине и еще больше в России – есть дополнительно отягощающее обстоятельство: после падения коммунизма нам обещали «конец истории» – теперь же мы являемся свидетелями, как «история возвращае-

* Отредактированный и расширенный текст выступления на конференции «Извлекаем ли мы уроки из истории? Культура памяти как путь к европейскому взаимопониманию» в Варшаве 29-го октября 2016-го года. (Ряд положений статьи не соответствует мнению редакции – прим. ред.)

¹ Эта версия принадлежит Эрику Гобсбауму. См.: Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990. P. 13. Оригинальная фраза несколько мягче: «L'oubli, et je dirai même l'erreur historique, sont un facteur essentiel de la création d'une nation». См.: <http://www.bmlisieux.com/archives/nation02.htm>; в русском переводе: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации». См.: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php.

² Rosenfeld G.D. A Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory Industry // The Journal of Historical Memory. March 2009. № 81. P 122-138. См. также: Guldi J., Armitag D. The History Manifesto. Cambridge, 2014. <http://historymanifesto.cambridge.org/>.

тсся». Мы отравлены своим прошлым вместо того, чтобы преодолевать его. Историческая память становится общественной болезнью, которую надо лечить, и историки должны исполнять роль доктора. А доктор не обязан любить болезни – он обязан их лечить.

Особенно трудно говорить об Украине. Не только в смысле степени «отравленности» исторической памятью, но и в смысле сложности ситуации. Чтобы подчеркнуть эту сложность, хочу обратить ваше внимание на две хорошие книги. Первая – *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* (2014) под редакцией Яна Кубика³. Это сравнение исторической памяти в посткоммунистических странах. В ней есть определенное подразделение этих стран на группы в соответствии с тем, как функционирует там эта память. Кубик считает, что Украина не относится ни к одной из этих групп. Украина – это отдельный кейс.

Вторая книга – *Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine* (2010) Татьяны Журженко⁴, харьковской исследовательницы, живущей в Вене, об исторической памяти в приграничных областях. В частности, она сравнивает Харьковскую область в Украине с Белгородской областью в России. Области очень похожи по культуре, языку. Но если по одну сторону границы историческая память монолитная, то по другую – в Харьковской области – ситуация совсем иная: здесь сосуществуют различные исторические памяти, и ни одна из них не доминирует.

Эти книги помогут понять, насколько отличается случай Украины от других и насколько он сложен. Понятно, что как бы я ни хотел, я не могу отобразить все сложные моменты в одном выступлении⁵. Я выбрал только одну тему. Я буду говорить о дискуссиях вокруг Бандеры, которые ведутся в Украине и за ее пределами. Случай Бандеры особенно сложный и конфликтогенный. Поэтому как никакой другой он очень хорошо подходит для того, чтобы показать сложность и особенности украинской ситуации.

Начну с личного эпизода. Около двух лет назад я встретился в варшавском аэропорту с историком Яном Гроссом. Он возвращался из Москвы и, увидев меня, сказал примерно следующее: «Представляешь, до чего дошел мир, – я, американский профессор, поляк еврейского происхождения, выступая в Высшей школе экономики, вынужден был защищать Бандеру перед российскими профессорами и студентами!».

³ *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / Ed. M. Bernhard, J. Kubik. Oxford, 2014.

⁴ Zhurzhenko T. *Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart, 2010.

⁵ См. мою попытку обобщить дискуссии об исторической памяти в Украине в главе «Пам'ять і нація» задолго до Евромайдана и российско-украинской войны в кн.: Грицак Я. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. К., 2011. С. 261-278.

Вы можете верить или не верить мне. Не уверен даже, что Ян Гросс воссоздаст этот эпизод в той же версии, в которой изложил его я: как-никак, на личную память тяжело полагаться. Но я могу сослаться на другой, похожий, эпизод. В 2014 году в *Jewish Review of Books* была очень интересная дискуссия. Костка (Константин) Герберт, очень активный деятель во время «Солидарности» и лидер польских евреев сейчас, написал статью, которая вызвала резкий ответ профессора Довида Каца, преподавателя идиша из Вильнюса. Главной темой дискуссии было – можно ли симпатизировать украинцам и поддерживать их политические устремления, если они считают Бандеру своим национальным героем? Костка Герберт утверждал, что можно и нужно⁶.

Мое дальнейшее выступление будет состоять из трех частей: (1) Кем был Бандера – поскольку я предполагаю, что не все в нашей аудитории имеют о нем четкое представление⁷. (2) Бандера в исторической политике и общественном мнении Украины в 1991–2013 годах. (3) Образ Бандеры после Майдана и российской агрессии в Украине.

Кем был Бандера

Степан Бандера родился в 1909 году в тогдашней австрийской Галичине (Галиции), которая после краха Австро-Венгерской империи была частью польского государства в межвоенный период (1919–1939), а потом СССР (1939–1991), с перерывом на немецкую оккупацию в 1941–1944 годах. Он родился в многодетной семье (Бандера был одним из семи детей) деревенского греко-католического священника. В Галичине священники долгое время были единственной интеллигенцией среди украинцев. Очевидно, духовенство не было гомогенной группой.

⁶ Gebert K. The Ukrainian Question // *Jewish Review of Books*. 2014. Summer. <http://jewishreviewofbooks.com/articles/963/the-ukrainian-question/>; Katz D. Poland Is Not Ukraine: A Response to Konstanty Gebert's «The Ukrainian Question» // *Jewish Review of Books*. 2014. Fall. <http://jewishreviewofbooks.com/articles/1186/poland-is-not-ukraine-a-response-to-konstanty-geberts-the-ukrainian-question/>; Gebert K. What We Talk About When We Talk About Stepan Bandera: A Rejoinder to Dovid Katz // *Jewish Review of Books*. 2014. Fall. <http://jewishreviewofbooks.com/articles/1184/what-we-talk-about-when-we-talk-about-stepan-bandera-a-rejoinder-to-dovid-katz/>.

⁷ В примечаниях я постараюсь представить наиболее свежие и интересные материалы и исследования на эту тему. В частности, недавно появились три биографии Бандеры, которые более или менее можно считать научными (или научно-публицистическими): Посівнич М. Степан Бандера. Харків, 2015; Rossoliński-Liebe G. Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart, 2014; Romanowski W. Bandera: Ikona Putina. Warszawa, 2016. Я не буду здесь их обсуждать, поскольку собираюсь это сделать в отдельной публикации. Скажу только, что все три книги в той или иной мере отображают общую тенденцию: это исследования не столько жизни Бандеры, сколько исторической памяти о нем. В своем выступлении я особенно обращаю внимание на те моменты биографии Бандеры, которые недостаточно представлены в этих книгах.

Скорее, наоборот. Существовало такое выражение: «Що попик, то типик» – «Что ни поп, то (другой) тип». Были даже священники, симпатизирующие социализму, и священники-атеисты. В национальном отношении греко-католические священники были разделены на украинофилов, полонофилов и русофилов – причем самая крайняя часть последних считала себя частью российской нации («москофиль»). Однако общая тенденция привела к победе украинофильской ориентации, которая окончательно утвердилась с приходом нового митрополита Андрея Шептицкого (1901 г.)

Отец Бандеры Андрей был рукоположен в сан священника Шептицким в 1906 г. Он был членом Украинской национально-демократической партии – наиболее влиятельной украинской партии либерального толка. Андрей Бандера был типичным представителем старшего, «австрийского» поколения украинских деятелей⁸, которое пробовало сохранить свои доминирующие позиции в общественно-политической жизни галицийских украинцев аж до советской аннексии Галиции в сентябре 1939 г. В межвоенной Польше они пробовали продолжать то, что они делали в предвоенной Австрии: участвовать в легальной политической борьбе и развивать гражданское общество.

Степан Бандера относился к поколению, которое имело совсем иной опыт. Этот опыт стоит обговорить отдельно: он составляет тот контекст, без учета которого невозможно понять биографию Бандеры. В частности, среди части историков и публицистов расхожи истории о его особой жестокости, которая будто бы проявилась уже в детские и юношески годы, когда он на глазах своих сверстников давил на пари одной рукой кошек⁹. Серьезные историки должны обратить внимание на то обстоятельство, что жестокость была одной из главных характеристик того времени, когда формировалось «поколение Бандеры», что, в частности, отобразилось в таких формулах, как «Доба жорстока, як вовчиця», «з більшовиками по-більшовицьки» и т.д.

Это поколение родилось перед или во время Первой мировой войны. Война наложила на него сильный отпечаток – тем более, что в Галичине, как и в большинстве регионов Центральной и Восточной Европы, военные конфликты продолжались на два года дольше – до конца польско-украинской (1918-1919) и советско-польской (1920) войны. В начале 1930-х был проведен опрос среди этого

⁸ Характерно, что он никогда не был членом Организации Украинских Националистов (созданной в 1929 г.) «из-за религиозных мотивов», поскольку считал, что «каждая власть от Бога». Лесів С. Зізнання отця Андрія Бандери // Степан Бандера та його родина / Под ред. П. Арсенич, Г. Бурнашов, Б. Яневич. Івано-Франківськ, 2008. С. 34.

⁹ Беляев В. Я обвиняю. М., 1978; Prus E. Herosi spod znaku tryzuba: Życie i działalność przywódców OUN-UPA. Ewgen Konowalec, Stepan Bandera, Roman Szuchewycz. Warszawa, 1985. P. 115. Владимир Беляев будто бы собрал эти рассказы среди жителей села, в котором родился Бандера, и которые знали его с детства. Зная, однако, биографию Беляева – который, по словам советского писателя Юрия Нагибина, был «темнейшим человеком» (см. https://ru.wikipedia.org/wiki/Беляев,_Владимир_Павлович) – можно сомневаться в их правдивости.

поколения. Он показал, что молодые люди того времени были свидетелями, как насиловали их старшую сестру, убили прикладом товарища, брата вели на расстрел и т.д.¹⁰ Иными словами, насилие было формирующим опытом этого поколения с самого детства.

Через деревню, в которой родился Бандера, линия фронта прошла трижды. Отец служил капелланом в Украинской Галицкой армии и после поражения в польско-украинской войне вместе с армией перешел в Восточную Украину (или, как тогда ее называли в Галичине, «Большую Украину»). Там он принимал участие в украинской национальной революции, а после ее поражения возвратился домой. Горечь и унижение от поражения, с одной стороны, и революционная романтика, с другой, стали также формирующим опытом этого молодого поколения.

Это были люди без будущего. Галиция была аграрным и бедным краем. Единственной надежной работой являлась государственная служба. Это не было проблемой в австрийский период: в преддверии войны крестьянин-середняк мог послать в гимназию одного или даже двух сыновей, которые, окончив учебу и сдав специальный экзамен («матуру»), могли претендовать на государственную должность¹¹. После войны ситуация радикально изменилась. Причиной была не только экономика (падение цен на сельскохозяйственную продукцию, девальвация денег, ограничение трудовой эмиграции в Северную Америку), но и политика: из-за острого польско-украинского конфликта в междувоенной Польше найти государственную работу украинцу практически не представлялось возможным.

Определенную часть этого поколения составляли так называемые «вискоки» – студенты, которые учились, но не закончили учебу из-за нехватки денег или репрессий. Нередко главным университетом для них была тюрьма. Это неминуемо сказалось на интеллектуальном уровне этого поколения: вместо сложных теорий и разъяснений они предпочитали простые формулы и радикальные решения.

В междувоенной Галичине такие формулы и решения предлагал Дмитро Донцов – один из главных идеологов междувоенного украинского национализма. В прошлом марксист и социал-демократ, участник украинской революции в Киеве, после ее поражения перебрался в 1922 г. во Львов и стал редактором одного из главных местных украинских журналов, *Літературно-науковий вістник*. Как и многие другие междувоенные идеологи европейского консерватизма и интегрального национализма, он отличался блестящим публицистическим стилем. Идеологии радикального национализма добавляли популярности также произведения целой литературной школы, в которую входило несколько талантливых

¹⁰ Калинович В. Голос української дитини // Українська школа. 126. №№ 13-14(55-56). С. 16-31.

¹¹ Пеленський З. Між двома конечностями // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 515.

молодых литераторов, связанных с Донцовым и его журналом (т.н. «вістників-ці») ¹².

Остается, однако, открытым вопрос, насколько молодые националисты формировались под влиянием читаемой литературы ¹³, а насколько под влиянием обстоятельств. О политике тогдашней польской власти в отношении национальных меньшинств историки говорят: это было хуже, чем преступление, – это была глупость ¹⁴. Вместо того, чтобы приблизить белорусов, евреев, украинцев к польскому государству, проводилась политика, которая отторгала их. Междувоенная Польша считается классическим примером «национализирующего государства» – государства, которое видело в национальных меньшинствах угрозу для своего существования. С точки зрения польского правительства, их нужно было или нейтрализировать (евреев и немцев), или ассимилировать (белорусов и украинцев) ¹⁵. Ассимиляционная политика из-за своего насильственного характера, однако, дала обратный эффект: вместо того, чтобы ассимилировать местное «руськое» население, она вызвала в нем сопротивление, превращала его в сознательных украинцев. Если в 1920-х гг. название «украинец» редко употреблялось среди местных крестьян, то в 1930-х гг., наоборот, там редко кто называл себя «русыном» ¹⁶.

Становление «поколения Бандеры» происходило на фоне радикальной национализации Галичины, в первую очередь – ее крестьянства, которое составляло большинство украинского населения. В 1920-е годы эта радикализация приобретала формы «радянофильства» – симпатии к Советской Украине, в которой многие галицкие украинцы видели воплощение, хотя и не идеальное, украинского государства. «Радянофильские» симпатии, в частности, нашли свое политическое выражение в популярности Коммунистической партии Западной Украины и организации «Сельроб», созданной специально для деятельности в селе. Однако эти симпатии быстро испарились на фоне сталинских репрессий и голода 1932-33 годов в СССР. «Радянофильство» было вытеснено стремительным ростом национализма. Хотя украинские националисты боролись главным образом с польским государством, своим главным историческим врагом они считали все-таки Россию. В большинстве случаев они не проводили различия между СССР и

¹² Две наилучшие монографии на эту тему: Зайцев О. Український інтегральний націоналізм 1920-1930-х років: нариси інтелектуальної історії. К., 2013; Shkandrij M. Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929–1956. New Haven, 2015.

¹³ Для многих молодых националистов даже Донцов казался слишком сложным. В этом меня убеждал один из активных деятелей украинского националистического движения Евгений Стахив, который в одно время был очень близок с Бандерой, но после войны с ним резко разошелся и стал острым критиком как Бандеры, так и Донцова.

¹⁴ Лысяк-Рудницкий И. Между историей и политикой. М., СПб., 2007. С. 195.

¹⁵ Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1997. P. 84-103.

¹⁶ Звіринський К. Моя дорога до мистецтва: спогади, щоденники, інтерв'ю роздуми, статті. В печаті (вспоминання известного украинского художника-абстракциониста, который родился в селе и был свидетелем этой национализации).

Россией, считая коммунизм новой формой российского империализма. Антикоммунизм молодых националистов был также связан с их игнорированием социального вопроса («социальной аверсией»). Они считали нацию наивысшей ценностью, которой должны были быть подчинены все другие формы социальной организации, в т.ч. и классы.

Молодые националисты были враждебно настроены против западной демократии и Версальской системы. Они считали либеральный Запад моральным банкротом, а западные правительства – ответственными за поражение украинской революции 1917-20 гг. из-за их игнорирования национальных прав украинцев. В украинском же лагере главное острие их атаки было направлено против легальных «старых» партий, и, что очень важно, против церкви, которая являлась главным соперником в борьбе за симпатии молодежи, в первую очередь – крестьянской молодежи¹⁷.

Как уже отмечалось, это молодое поколение не имело опыта парламентской демократии и развитой партийной жизни, характерного для позднего австрийского периода и очень важного для старшего поколения украинцев. В связи с отсутствием такого опыта идея политики как искусства возможного и компромиссов была им чужда. Именно компромиссность старшего поколения они считали главной причиной поражения национальной революции.

Если довоенная украинская политическая мысль была главным образом левой или либеральной, то в межвоенный период она сделала резкий «поворот направо»¹⁸. Одним из следствий этого поворота стало возрастание антисемитизма. Довоенные украинские политики искали способы сосуществования с евреями и из прагматических побуждений поддерживали сионизм. Ничего такого не видим в деятельности молодых националистов: они считали евреев своим врагом. Нужно, однако, сказать, что они не считали евреев своим *главным* врагом: по их мнению, борьба с евреями отвлекала от борьбы с Россией и Польшей¹⁹. Их отношение к евреям не было однозначным и менялось под влиянием обстоятельств²⁰. Но в меру усиления предчувствия новой войны общая тенденция состояла в усиле-

¹⁷ Зайцев О., Беген О., Стефанів В. Націоналізм і релігія: Греко-Католицька Церква та український націоналістичний рух у Галичині (1920–1930–ті роки). Львів, 2011.

¹⁸ Motyl A. J. The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism 1919-1929. Boulder, 1980.

¹⁹ На эту тему существуют две монографии молодых историков, активно zaangażированных в историческую политику Украины и России соответственно – поэтому их следует принимать с определенной долей осторожности: В'ятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі катастрофи. Львів, 2006; Дюков А.Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008. См. также: Курило Т., Химка І. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2(13). С. 252-265.

²⁰ Стоит также сказать, что галицкие евреи в междувоенные годы боялись гораздо больше польского антисемитизма, чем украинского. См.: Mick Ch. Lemberg – Lwów – L'viv, 1914 – 1947: Violence and Ethnicity in a Contested City. West Lafayette, 2015.

нии антисемитизма, вплоть до призывов к физическому истреблению евреев, наряду с поляками и другими «враждебными» национальностями²¹.

Что, однако, придавало их убеждениям особую силу, так это уверенность, что история – на их стороне. Они считали – и в этом их убеждал Донцов – что их движение является частью более широкого процесса: рождения новой Европы, свободной как от коммунизма, так и от либеральной демократии. Олицетворением этой новой Европы они считали в первую очередь национал-социализм и итальянский фашизм. Их отношение к нацизму и фашизму тоже не было простым. К примеру, отдельные идеологи восхищались итальянским фашизмом, но предупреждали об опасностях, которые несет украинцам немецкий национализм.

Помимо идеологического сходства (сильной ксенофобии, антикоммунизма, антисемитизма и элементов расизма) свою роль играли прагматические мотивы: фашистская Германия была врагом СССР, Польши и Версальской системы. С одной стороны, теми же интересами руководствовались и другие междувоенные украинские партии, которые были далеки от национализма – с другой стороны, это послужило основой для сотрудничества украинских националистов с правительствами и спецслужбами других стран, враждебных Польши и Версальской системе – к примеру, междувоенной Литвы и даже (в начале 1920-х) Советского Союза.

Были ли украинские националисты фашистами? Этот вопрос отягощен современными политическими реалиями. С точки зрения советских идеологов и сегодняшнего Кремля, каждый украинский националист – даже украинские социал-демократы – являются или фашистами, или близкими к фашизму²². Среди профессиональных историков нет одного мнения²³. И не может быть по определению, поскольку в современной историографии нет согласия, что такое фашизм и какие его главные черты²⁴. Я принадлежу к числу тех историков, которые считают, что ОУН подошла очень близко к фашизму, но не перешла решающую черту из-за отсутствия собственного государства. По крайней мере, за те несколько дней, которые оно просуществовало в конце июня – начале июля 1941, она обна-

²¹ Зайцев О. Военная доктрина Михайла Колодзінського // Україна Модерна. 2013. № 20. С. 245-256. <http://uamoderna.com/images/archiv/2013-20/Zaitsev.pdf>.

²² Поскольку я занимаюсь биографией Ивана Франко, приведу цитату, близкую к моему профессиональному интересу. В ней идет речь о Русско-Украинской Радикальной партии – первой украинской политической партии аграрно-марксистского толка, одним из создателей которой был Иван Франко: «...Спочатку від неї (Русько-Української Радикальної Партії) відійшло її ліве крило, яке стало організаційним осередком Української соціал-демократичної партії, яка в багатьох питаннях стояла на буржуазно-націоналістичних позиціях. Характеризуючи її Є. П. Кирилюк пише, що "це була націоналістична партія, про що свідчить її програма й дальша еволюція її засновників, активних членів, у бік воєвоначного націоналізму й фашизму"». Басс І., Каспрук А. Іван Франко: життєвий і творчий шлях. К., 1983. С. 365.

²³ В частности, Тимоти Снайдер считает Бандеру фашистом. См.: Snyder T.D. A Fascist Hero in Democratic Kiev // The New York Review of Books Daily. 24 February 2010. <http://www.nybooks.com/daily/2010/02/24/a-fascist-hero-in-democratic-kiev/>.

²⁴ На эту тему, см.: Фашизм і правий радикалізм на сході Європи // Україна Модерна. 2013. № 20. С. 13-332.

ружила черты, близкие к фашизму. Ирония ситуации состоит в том, что этому помешал немецкий оккупационный режим. В его планы не входило существование отдельного украинского национального государства, и из-за этого он репрессировал ОУН и Бандеру летом 1941 г.

Вопрос о коллаборации с Гитлером украинские националисты ставили в зависимость от того, насколько он мог удовлетворить их требования о создании независимого украинского государства. Поэтому, когда Гитлер дал «зеленый свет» венгерскому правительству оккупировать так называемую Карпатскую Украину – бывшую территорию Чехословакии, которая после Мюнхена 1938 года провозгласила сначала свою автономию, а потом независимость – они к нацистской Германии очень охладели. В этом отношении Бандера и его соратники не были удобными союзниками. Другие украинские националистические партии («гетьманівці», «мельниківці») были более удобными. Это было чертой нацистской политики во всей оккупированной Европе: нацисты предпочитали сотрудничество с более умеренными правыми партиями, чем с радикальными националистами²⁵. Это, однако, не мешало им сотрудничать в преддверии войны с абвером – его глава, адмирал Канарис, вместе с главным специалистом по делам Восточной Европы Альфредом Розенбергом более благосклонно относились к идее украинской независимости, а сам Бандера даже после своего ареста летом 1941 года (о чем пойдет речь далее) не исключал возможности сотрудничества, если Гитлер изменит политику в украинском вопросе²⁶.

И последнее: вся междувоенная политическая атмосфера способствовала культуре вождя. Украинская молодежь вырастала в условиях славославия Пилсудского, Сталина, Гитлера, Муссолини и Франко. Революционная и междувоенная украинская политика тоже была сильно «вождезависимая»: главные политические направления были известны не столько идеологическими или партийными названиями, сколько именами их лидеров: «петлюрівці», «махновці», «гетьманівці» и т.д. В междувоенной Польше к этой общей тенденции добавлялась еще официальная образовательная политика, которая, в частности, состояла в насаждении культа польских национальных героев. Молодые украинцы, обучаясь в школах и гимназиях, очень сильно чувствовали дефицит собственных национальных героев и стремились сами ими стать²⁷.

Это было особенно характерно для Бандеры. Он рано потерял мать. Он был маленького роста и в детстве страдал от болезней. Бандера старался преодолеть свои комплексы, сознательно готовясь к борьбе и к тому, чтобы возглавить ее (стать «вождем»). Он даже истязал себя – для подготовки к будущим возможным

²⁵ См.: Deák I. *Essays on Hitler's Europe*. Lincoln, 2001.

²⁶ См.: Стахів Є. *Крізь тюрми, підпілля й кордони*. К., 1995. С. 99-100.

²⁷ Янів В. Зустріч з полк. Євгеном Коновальцем на тлі настроїв доби // Євген Коновалець та його доба. С. 430.

лишениям²⁸. Молодой Бандера перешел все степени, характерные для становления украинского интеллигента в Галичине: окончил школу, гимназию (1919-1927), где вступил в «Пласт» – украинский аналог скаутинга. После гимназии он намеревался вступить в украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия), однако польские власти отказали ему в загранпаспорте. Он вынужден был вернуться домой и целый год занимался культурно-образовательной и хозяйственной деятельностью в своем селе. В сентябре 1928 Бандера поступил в львовскую политехнику. Но обучение было лишь верхушкой айсберга в его деятельности. Главную его часть составляла подпольная работа по организации националистического движения. Студенчество было одной из главных групп, из которых формировалось это движение – гимназисты тоже (Стрыйская гимназия, в которой учился Бандера, дала сразу нескольких националистических лидеров). Высшие учебные заведения (Академический дом – общежитие для украинских студентов во Львове, в котором проживал Бандера) были одним из главных центров украинского национализма.

В 1929 году возникла Организация украинских националистов (ОУН). Ее создало старшее поколение. Большинство старших националистов жило в Праге, Женеве, Вене или Берлине, и они были оторваны от того, что делалось в стране. Молодые называли их кабинетными националистами. В январе 1933 г. Бандера возглавил ОУН «в крае» (т.е. в Западной Украине) и начал бунт против старших. В частности, он перешел к политике активного террора. Есть основания предполагать, что большинство жертв этого террора были не поляки и не евреи, а украинцы²⁹. Надо при этом сказать, что террор был *также* инструментом борьбы за власть в украинском обществе. Бандера и его соратники сознательно хотели террором и вызванными им правительственными репрессиями уничтожить какие-либо возможности для легальной политической работы и загнать украинское общество в подполье.

Наиболее важным актом террора стало убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в 1934 году. Перацкий был ответственным за массовые расправы над украинским гражданским населением (т.н. пачификация 1930) в ответ на акции украинских националистов. Бандера организовал это убийство и был главным обвиняемым на суде. Его арестовали перед самым дипломным экзаменом, а суд в 1935-36 г. приговорил его к смертной казни. Во время процесса он вел себя героически: отказывался признавать себя гражданином Польши и отвечать на вопросы на польском языке и, зная, что ему грозит, тем не менее, каждое выступление использовал для осуждения польской власти и попу-

²⁸ См.: Посівнич М. Молодість Степана Бандери // Життя і діяльність Степана Бандери: документи і матеріали. Тернопіль, 2008. С. 9-39.

²⁹ Согласно подсчетам Александра Мотыля, см.: Motyl A.J. Ukrainian Nationalist Political Violence in Inter-War Poland, 1921-1939 // East European Quarterly. 1985. № 1. P. 50. Гжегож Россолински-Либе с достаточными на то основаниями оспаривает эту оценку. См.: Rossoliński-Liebe. Stepan Bandera. P. 75.

ляризации украинского национализма. Судебный процесс моментально сделал из Бандеры героя. Он стал символом бескомпромиссности, моральной стойкости и самопожертвования. Смертную казнь Бандере заменили пожизненным заключением. В тюрьмах он пробыл до 1939 года, до распада Польши вследствие немецкой и советской агрессии.

Бандера оказался сначала в Риме, а потом переехал в немецкую зону оккупации, в Краков, в котором из-за близости границы пребывало много беглецов из советской зоны. Здесь он довел бунт против старших до окончательной стадии: раскола ОУН на два враждующих крыла – «бандеровцев», ОУН(б), и «мельниковцев», ОУН(м) (по фамилии лидера старших националистов Андрея Мельника). В 1941 году, в первые дни войны Германии против Советского Союза, отряды бандеровцев в форме немецкой армии вошли во Львов и 30 июня 1941 года провозгласили Украинское государство. Правительство возглавил не сам Бандера, а его друг Ярослав Стецько. Для многих тогдашних украинцев – я помню по рассказам родителей и моих старших знакомых – это был большой праздник, возможно, до провозглашения независимости в 1991 г., самый счастливый день в их жизни.

Но имелась и обратная сторона: на следующий день во Львове прошли еврейские погромы. Непосредственным поводом послужил тот факт, что советские спецорганы, оставляя город, уничтожили в тюрьмах большинство заключенных, многие из которых были арестованы в первые дни войны из-за подозрений в антисоветскости. Организация украинских националистов отрицала свою причастность к погромам, перекладывая вину на городской люмпен-пролетариат (так называемое «шумовиння»). Недавно северо-американские исследователи убедительно доказали, что причастные к этим погромам были сотрудниками украинской полиции и, скорее всего, членами ОУН(б), – вряд ли можно было попасть в украинскую полицию без согласия бандеровцев³⁰. Не ясно, проходили ли погромы в соответствии с общими установками в ОУН(б) или по собственной инициативе погромщиков. Скорее всего, и то и другое. Не исключено, что ОУН(б) хотелось доказать нацистам эффективность своего государства, начиная с очищения его от евреев.

В 1943 году в немецком тылу возникает Украинская повстанческая армия (УПА), руководство над которой берет ОУН(б). И первой акцией этой армии становится Волынская резня – массовое уничтожение польского населения Волыни, в котором, по консервативным оценкам, погибло 40-70.000 (говорят и о 100.000;

³⁰ Himka J.-P. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Papers. 2011. Vol. 53. №№ 2-4. P. 209-243. Сами документы, доказывающие участие украинских полицейских в погроме, нашел американский исследователь Джеффри Бердс (Burds) и передал их Джону-Полу Химке, который опубликовал их без предварительного согласия Бердса, за что последний во время острой дискуссии на Facebook обвинил его в плагиате.

в ответных акциях польского подполья погибло 15-20.000 украинцев)³¹. ОУН(б) и УПА считали своими главными врагами Советский Союз и нацистскую Германию. Во время немецкой оккупации бандеровское движение находилось в подполье, нацисты считали его своим врагом, и случаи арестов и казни бандеровцев не были редкими. Но антипольские и антиеврейские акции УПА оставили на ней позорное пятно.

После прихода советской власти в 1944 году и до начала 1950-х (а в отдельных случаях даже до 1960-х) УПА вела вооруженную борьбу против этой власти. Джон Армстронг, исследователь украинского национализма, называет деятельность УПА примером самого массового антикоммунистического сопротивления в Восточной Европе вплоть до будапештского восстания 1956 года³². Забегая вперед, хочу сказать, что именно этот момент – борьба УПА против советской власти и России – преобладает в памяти в Западной Украине. О антипольских и антиеврейских акциях или не знают, или не хотят вспоминать³³.

Хотя ОУН(б) и доминировала в УПА, эта армия не была однородной³⁴. Но все участники УПА, независимо от того, к какой группе они принадлежали, назывались бандеровцами³⁵ – даже те, которые потом выступали против него. Ирония заключалась в том, что все эти годы Бандера не имел прямого отношения к бандеровцам. Нацисты его арестовали сразу после провозглашения Украинского государства, поскольку создание такого государства не входило в планы Гитлера. На Бандеру пытались надавить, чтобы он отменил данное решение, но он был бескомпромиссен в этом вопросе. Сначала Бандера находился под домашним

³¹ Среди огромной литературы о Волынской резне особенно рекомендую две монографии: Ллюшин И. Волинська трагедія 1943–1944 рр. К., 2003; Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji Wisła*. Kraków, 2011. Недавняя книга Владимира Вятровича пробует релятивизировать ответственность УПА: Вятрович В. Друга польсько-українська війна. 1942-1947. 2-е вид. К., 2016. См. критику на первое издание этой книги: Ильюшин И. Плохо забытое старое: о новой книге Владимира Вятровича // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 382-385.

³² Armstrong J.A. *Ukrainian Nationalism 1939-1945*. Englewood, 1990.

³³ Yurchuk Y. *Reordering of Meaningful Worlds: Memory of the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army in Post-Soviet Ukraine*. Stockholm, 2014.

³⁴ См., в частности, воспоминания Даниила Шумука, бывшего члена Коммунистической партии Западной Украины и советского военнопленного, бежавшего из немецкого концлагеря. В 1943-1944 он был в УПА, где откровенно заявлял о своем несогласии с идеологией украинского национализма: Шумук Д. *За східним обрієм: спомини*. Париж-Балтимор, 1974. После войны он был арестован советскими органами и, с небольшими перерывами, отсидел в советских лагерях и тюрьмах до 1987 г. Его воспоминания вызвали острую критику со стороны бандеровцев. См. об этом: Петренко О. Деконструкції декоративного: про провокаційні спомини Данила Шумука та його жіночі портрети // *Україна Модерна*. 13 ноября 2013. <http://uamoderna.com/blogy/olena-petrenko/dekonstrukci-dekorativnogo>.

³⁵ Вопрос, когда появилось название «бандеровцы», требует отдельного исследования. Согласно польскому историку Ришарду Тожецкому, одному из наиболее серьезных исследователей украинского национализма, впервые этот термин в апреле 1939 г. употребили молодые «гетьмановцы» в журнале *Нація в поході* (15 апреля 1939) в своей полемике с националистами: Torzecki R. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy 1933-1945*. Warszawa, 1972. С. 184-5. Благодарю Мирослава Чеха за эту информацию.

арестом, потом в тюрьме. Большую часть войны он провел в концлагере Заксенхаузен как политический заключенный. Евгений Стахив, который был близким другом Бандеры, а потом, как это нередко случается, его врагом, рассказывал, что сразу после освобождения Бандеры он пришел к нему (брат Стахива сидел вместе с Бандерой) и тот был очень удивлен его сообщением, что существует целая армия, носящая его имя.

В итоге это привело к ситуации, когда Бандере приписывают преступления, которые он лично не совершал, и подвиги, к которым он не имеет отношения. Конечно, это не значит, что он не имел к первым или ко вторым *косвенного* отношения. Но эта особенность очень хорошо иллюстрирует, что при жизни, даже в сравнительно молодом возрасте (на момент освобождения с Заксенхаузена ему было всего 35 лет!), он играл более значительную роль как символ, а не как конкретный человек³⁶.

В конце войны немцы пытались привлечь Бандеру к организации союза антикоммунистических военных формирований народов СССР. Он отказался, в т.ч. из-за того, что главную роль в этом союзе должны были играть российские группировки («армия Власова»). После войны Бандера оказался в Западной Германии под именем Штефан Попель. КГБ его искало. Но у КГБ была фотография только 30-х годов, и поэтому его не могли идентифицировать. Бандера «раскрылся» в 1958 году, когда отмечали 20-ю годовщину смерти Евгения Коновальца, первого лидера ОУН, убитого в 1938 г. НКВД. Бандера публично выступил на митинге под своим именем. В следующем, 1959 году его убил агент КГБ Богдан Сташинский, происходивший, кстати, из Западной Украины. Сначала не было доказательств, что это убийство организовало КГБ. Советская версия намекала, что Бандеру как опасного свидетеля убрали западные спецслужбы. Но через некоторое время Сташинский из-за личных обстоятельств бежал в Западную Германию и там признался в убийстве. Его осудили на 8 лет, из которых он отсидел только половину, а потом – предположительно с помощью американских спецслужб взамен на информацию о КГБ – был освобожден и переселен в страну, в которой он мог чувствовать себя в безопасности (предполагают, что в Южную Африку или Америку)³⁷.

³⁶ Как писал Зиновий Кныш, один из организаторов ОУН (после раскола 1940 г. он остался на стороне Мельника), Бандера «ни своими способностями, ни качествами лидера не был лучше других, наоборот, во многом им уступал. Например, Лебедь превyšшал его жестокостью и решительностью, Шухевич организационным талантом, Ленкавский – политической зрелостью и ясностью политической мысли. Но так как Бандера был Краевым проводником и главным лицом на варшавском процессе, случай выдвинул его во главу». Цит. по: Файзулін Я. Лебідь перевищував Бандеру рішучістю, Шухевич – організаційним хистом, Ленкавський – ясністю політичної думки // Країна. 10 июня 2014. http://gazeta.ua/articles/history-journal/_lebid-perevischuvav-banderu-rishuchisty-u-suhevich-organizacijnim-histom-lenkavskij-yasnistyu-politichnoyi-dumki/562804.

³⁷ Не исключено, что он еще жив. Появилось даже его фейковое интервью: Приходько Н. Богдан Сташинський: «Я виконав свій обов'язок перед Україною» // Левый берег. 4 августа 2011. http://lb.ua/news/2011/08/04/109029_Bogdan_Stashinskiy_YA_vikonav_s.html. Об убийстве Бан-

За два года до убийства Бандеры Сташинский убил другого лидера ОУН(б) Льва Ребета. Ребет был близким другом Бандеры со времен обучения в гимназии, но после войны разошелся с ним политически³⁸. Ребет представлял ту часть бандеровцев, которая во время войны была в Украине и УПА и в последние годы войны сделала поворот «налево» и эволюционировала – по крайней мере, на словах – в сторону социал-демократии. Главной причиной послужило – опять же по их словам – убеждение, что жители Восточной Украины, где бандеровцы пробовали создать свое подполье, не принимают риторику украинского интегрального национализма. Они называли себя «двйкарями». Бандера их резко осудил, подозревая в том, что они советские агенты. Как и многие из тех, кто лично знал Бандеру, Лев Ребет из друга превратился во врага. Характерно, что Ребета никогда не вспоминают во время празднований ОУН-УПА. Официальная «троица» украинских националистов состоит из Евгения Коновальца, Романа Шухевича, главнокомандующего УПА, ликвидированного советскими спецподразделениями в 1950-м, и самого Бандеры. Но из троих Бандера является главным символом украинского национализма.

В Советском Союзе бандеровцев считали врагами. Но фамилия Бандеры при этом очень редко упоминалась³⁹. Уже само упоминание его фамилии считалось скрытой пропагандой украинского национализма. В этом отношении Бандера напоминал Волдеморта из «Гарри Поттера», имя которого нельзя было произносить. Это привело к парадоксальной ситуации, когда было известно, кто такие бандеровцы, но не было известно, кто такой Бандера. Последствия такого подхода заметны сейчас среди россиян или русскоязычных: они очень часто называют бандеровцев бендеровцами (по аналогии с Остапом Бендером, героем Ильфа и Петрова, или названием города Бендеры)⁴⁰, а Бандеру – Бандересом (по аналогии с известным американским актером)⁴¹.

В СССР по отношению к прошлому, которое не помещалось в советский канон истории, проводилась жесткая политика амнезии. Это была генеральная линия. Она, однако, варьировалась в различные времена (определенные фамилии извлекались из небытия или исчезали снова) и по-разному проводилась в разных республиках. Советская Украина, кажется, представляла собой наиболее экстремальный пример. Это, в частности, показывает историческая политика относительно Холокоста. В официальной истории СССР не было упоминаний не то что об этой катастрофе, но даже о самих евреях – как будто в Украине их вообще ни-

деру смотри недавно изданную книгу: Plochy S. The Man with the Poison Gun: A Cold War Spy Story. L., 2016.

³⁸ Его критику деятельности ОУН, см. в кн.: Ребет. Л. Світла і тіні ОУН. Мюнхен, 1964.

³⁹ Исключение составляли работы В. Беляева. См., напр.: Беляев. Я обвиняю.

⁴⁰ Версию о том, что «бандеровцы» повязаны с г. Бендеры я услышал в 1979 г., когда в составе студенческого отряда был на сельскохозяйственных работах в Херсонской области.

⁴¹ См., напр.: У московському суді над Шаріною Бандеру сплутали з Бандерасом // Українська правда. 22 декабря 2016. <http://www.pravda.com.ua/news/2016/12/22/7130657/>.

когда не существовало⁴². То же самое относилось и к истории ОУН-УПА в целом и к таким событиям, как антиеврейские погромы летом 1941 года или Волынская резня – вопреки даже тому, что использование этих сюжетов было бы исключительно удобным, чтобы показать античеловеческий (согласно советской риторике) характер украинского национализма.

Память о бандеровцах функционировала на частном уровне среди населения Западной Украины – почти каждая семья имела свою историю, связанную с анти-советским националистическим подпольем⁴³. Кроме того, «бандеры» была одной из пейоративных кличек, которой галичан и волынян обзывали жители других регионов СССР, в т.ч. советской Украины (наравне с более нейтральной «западенцы»). Главным моментом в функционировании негласного образа «бандеровцов» была их борьба против советской власти. Для Западной Украины и части украинской интеллигенции вне ее антисовесткая борьба было доказательством героизма «бандеровцов», а для большинства населения других регионов – доказательством их предательства и бандитизма. Образ «бандеровцев» приобрел также положительную коннотацию в диссидентском движении⁴⁴. Большое значение имел фактор непосредственного общения между заключенными диссидентами и теми бандеровцами, которые продолжали быть в лагерях в 1960-80-х гг. Во время этого общения – которое нередко имело характер встречи двух поколений – последние производили очень положительное впечатление, в частности, благодаря тому, что некоторые из них опекали заключенных-неукраинцев, в т.ч. евреев-сионистов⁴⁵. Что, однако, важно подчеркнуть: в каждом из этих случаев речь шла о «бандеровцах», а не Бандере. Последний функционировал как символ и миф, а знаний о нем как о конкретном человеке практически не существовало.

⁴² Gitelman Z. Soviet Reactions to the Holocaust, 1945-1991 // The Holocaust in the Soviet Union. Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR, 1941-1945 / Ed. L. Dobroszycki, J.S. Gurock. Armonk, 1993. P. 3, 9-11.

⁴³ Исходя из своего личного опыта, могу сказать, что эта память не была исключительно положительной. Я вырос на Стрыйщине, в самом сердце бандеровского движения (Бандера вместе с Ребетом и др. националистическими деятелями окончили Стрыйскую гимназию). Мои родители, которые в 1940-х годах были подростками, рассказывали мне с горечью, сколько жителей нашего села погибло из-за безрассудства или жестокости наших местных бандеровцев. Однако они сами себя считали националистами и почти каждый разговор заканчивали словами: «Наши бандеровцы не были настоящими бандеровцами – настоящие бандеровцы воевали на Волыни и в Карпатах».

⁴⁴ В частности, о них достаточно тепло отзывался Александр Солженицын в *Архипелаге ГУЛАГ*. См.: Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: опыт художественного исследования. Ч. V-VII. М., 1991. С. 160-161.

⁴⁵ См., в частности: Маринович М. Всесвіт за колючим дротом (Спогади і роздуми дисидента). Львів, 2016.

Бандера в исторической политике и общественном мнении Украины в 1991–2013 годах

После распада СССР и провозглашения независимости Украины в 1991 году украинское правительство пробовало создать и активизировать национальную версию прошлого – альтернативную советской. Но активизация была не единственным направлением украинской политики исторической памяти. Она состояла и до сих пор состоит из трех направлений. Я называю их три «А»: амнезия, активизация, амбивалентность. Нет и не было ни одного украинского президента или правительства, которые не пытались бы – конечно, в разной мере – реализовать одновременно все три направления⁴⁶.

Сразу после провозглашения украинской независимости, во время правления Леонида Кравчука, были попытки активизации памяти о националистическом движении. Но они были, скорее, скромными. Образ Бандеры в них активно не присутствовал. Присутствовала тема УПА как борцов против советского режима. Ее даже ввели в школьный учебник: УПА посвящалось несколько абзацев, и там она характеризовалась достаточно положительно. Это вызвало сильное сопротивление коммунистов. Они требовали в парламенте, чтобы учебник изъяли. Но учебник продолжал существовать⁴⁷.

В отличие от России, в Украине государство не имеет большого, тем более решающего, влияния на общественное мнение. С конца 1980-х здесь функционировало достаточно сильное гражданское общество, которое было представлено «Рухом»; национальными/националистическими организациями в Галичине, рабочим движением в Донбассе и т.д. Кроме того, также в отличие от России, в Украине влияние оказывала зарубежная диаспора – украинцы, живущие в Европе, Канаде и США, – в которой «бандеровцы» имели очень сильные позиции. Поэтому, вне зависимости от официальной политики Киева, среди украиноязычной интеллигенции и украиноязычной Западной Украины активизировался национальный дискурс, в котором Бандера занимал одно из центральных мест.

Этот дискурс не был однородным. Националистическое направление – то, которое считало себя прямым последователем ОУН-УПА, – составляло в нем маргинальную часть. Но его главный символ, Степан Бандера, принимался также национал-демократическим крылом, хотя идеологически ближе к ним было то крыло ОУН, которое в конце и после войны эволюционировало «влево» («двийкари»), а также ОУН(м)⁴⁸. Эти идеологические различия, однако, становились

⁴⁶ Грицак. Страсті за націоналізмом. С. 261-278.

⁴⁷ См. воспоминания автора учебника: Турченко Ф. Як створювалися перші підручники з історії України // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2016. Вып. 45. С. 166-179.

⁴⁸ См. Панченко В.Г. Легалізація та діяльність ОУН в Україні протягом 1990-х рр // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. Вып. 30. С. 38-

незаметными в тени образа Бандеры, а к самому этому образу, как и к образу ОУН-УПА, доминировало не критическое отношение⁴⁹.

Крайне отрицательное отношение к Бандере и ОУН-УПА как к нацистским коллаборационистам и фашистам было распространено среди русскоязычной восточной части Украины. В значительной мере это отношение отображало старый советский дискурс прошлого, в котором история Второй мировой войны представлялась как история Великой Отечественной войны.

Эти дискурсы – национальный (националистический) и пост- (или модифицированный) советский с сильными элементами российской имперской идеологии – были взаимоисключающими. Географическими центрами этих дискурсов являлись два полюса украинской политики – с одной стороны, столица Галичины Львов, который полушутя-полусерьезно называли Бандерштадтом (городом Бандеры), и, с другой стороны, столица Донбасса Донецк, где доминировала советская версия прошлого, включая культ Сталина.

Острый экономический и политический кризис привел в 1993 году к досрочным президентским и парламентским выборам. Во время них впервые четко проявился образ «расколота страны» – разделенной на украиноязычный Запад и русскоязычный Восток. На президентских выборах победил представитель Востока Леонид Кучма. Но, как в период президентской кампании, так и в период его правления (1994–2004) активизация исторической памяти практически не проводилась. Главной в политике Кучмы была амбивалентность. Она состояла в попытке интегрировать одновременно отдельные элементы как национального, так и советского дискурса, но при этом избегая тех исторических фигур или событий, которые порождали бы антагонизм между западной, украиноязычной, и восточной, русскоязычной, частями Украины. Кучма говорил людям то, что им хотелось слышать, и не говорил то, что их раздражало. Бандера раздражал. О Бандере не говорилось.

Первая общественная дискуссия о УПА состоялась в Украине в 2003-м, в очередную годовщину Вольнской резни⁵⁰. В открытый антагонизм дискуссия во круг прошлого переросла во время президентской кампании 2004 года и последовавшей за ней Оранжевой революции. Образ Бандеры и УПА активно использовался обеими сторонами – приверженцами Януковича из Партии регионов для демонизации Ющенко как «нашиста» (от «Нашей Украины» – избирательного блока партий, созданного вокруг Ющенко; в этом контексте созвучного с «фаши-

41; Панченко В. Бандерівці, мельниківці і «двійкарі»: ОУН в Україні протягом 1990-х рр. // Исторична правда. 21 октября 2011. <http://www.istpravda.com.ua/research/2011/10/21/59950/>.

⁴⁹ Были, конечно, исключения. Вячеслав Чорновил, «генеральский диссидент» и один из наиболее влиятельных лидеров национально-демократического движения, в свою бытность главой Львовского областного совета был против того, чтобы дать имя Бандеры одной из главных улиц города, поскольку считал, что «украинцы [из других регионов] нас не поймут». См. Hrytsak Y., Susak V. Constructing a National City: The Case of L'viv // Composing Urban History and the Constitution of Civic Identities / Ed. J.J. Czaplicka, B.A. Ruble. Washington, 2003. P. 155.

⁵⁰ См.: Berdychowska B. Ukraińcy wobec Wołynia // Zeszyty historyczne. 2003. № 146. P. 100-104.

стом)), с одной стороны, и для мобилизации национального и националистического электората против Януковича, с другой.

Хотя после своей победы Ющенко пробовал примирить воинов УПА и Красной Армии, эти попытки были безуспешными. В украинском публичном пространстве и дискурсе доминировал язык ненависти. В частности, он очень отчетливо проявился во время телешоу «Великі українці» (2008), когда зрители путем голосования выбирали наиболее выдающихся украинцев. Яблоком раздора оказалась как раз фигура Степана Бандеры. Во время голосования он набрал наибольшее количество голосов. Но за день до окончания голосования один из лидеров Партии регионов, Дмитрий Табачник, организовал путем манипуляций победу своего исторического кандидата – Ярослава Мудрого⁵¹.

В начале 2010 года, после первого тура президентских выборов, Виктор Ющенко, уже зная, что проиграл эти выборы, дал Бандере звание Героя Украины. Виктор Янукович, победив на выборах, этот указ отменил. Причем не лично, а решением Донецкого суда. И не потому, что Бандера коллаборационист или фашист, а по техническим причинам: звание Героя присваивается только гражданам Украины, а Бандера украинским гражданином не был⁵². Сам Янукович старался избегать личной оценки деятельности Бандеры и УПА. Это брало на себя наиболее пророссийское крыло в Партии регионов, включая Табачника, который занял должность министра образования Украины⁵³. В свою очередь, националистическая часть оппозиции, представленная партией «Свобода», представляла политический выбор Украины простой формулой: «либо бандитизация, либо бандеризация»⁵⁴.

От первого (2004) до второго (2013–2014) Майдана Бандера пребывал в центре публичных дискуссий о прошлом страны⁵⁵. Мэру влияние этих дискурсов можно оценить на простом примере: символов, связанных с Бандерой, не было на первом Майдане – зато они появились на Евромайдане.

⁵¹ Я был участником-экспертом этого шоу и на основании своих инсайдерских впечатлений написал текст: Грицак Я. Життя, смерть та інші неприємності. К., 2008. С. 79-87.

⁵² Детальную информацию о реакциях на этот указ Ющенко и судебных решениях, связанных с его отменой, можно найти в украиноязычной Википедии в статье о Степане Бандере: https://uk.wikipedia.org/wiki/Бандера_Степан_Андрійович.

⁵³ К примеру: один из наиболее активных пророссийских регионалов Вадим Колисниченко в декабре 2012 г. внес законопроект, который предусматривал наказание, вплоть до пожизненного заключения, за героизацию людей, связанных с ОУН и УПА. См. <http://tsn.ua/politika/kolesnichenko-proponuye-davati-dovichne-za-vihvalyannya-banderi-i-shuhevicha.html>.

⁵⁴ Бандера, роги та копита і революційна ситуація (репортаж зі Львова) // УНІАН. 14 января 2011. <http://www.unian.ua/politics/448058-bandera-rogi-ta-kopita-i-revoljutsiyna-situatsiya-reportaj-zi-lvova.html>.

⁵⁵ Примеров слишком много, чтобы детально их проанализировать. Здесь хочу обратить внимание на сборник текстов, которые появились в юбилейный 2009 г. (столетие со дня рождения Бандеры) и отображают широкий спектр мнений: Страсти за Бандерою / Ред. Т. Сиріл Амар, І. Балинський, Я. Грицак. К., 2010.

Бандера после Евромайдана

Что случилось на Евромайдане? Второй Майдан перенял лозунг УПА «Слава Украине! Героям слава!», что сразу привело к разговорам о его националистическом характере. Образ Майдана как националистического, а его участников как бандеровцев активно использовался и продолжает использоваться в официальной пропаганде Кремля, а также в сепаратистских Донецкой и Луганской народных республиках как главное доказательство, что в Киеве к власти пришла «фашистская хунта».

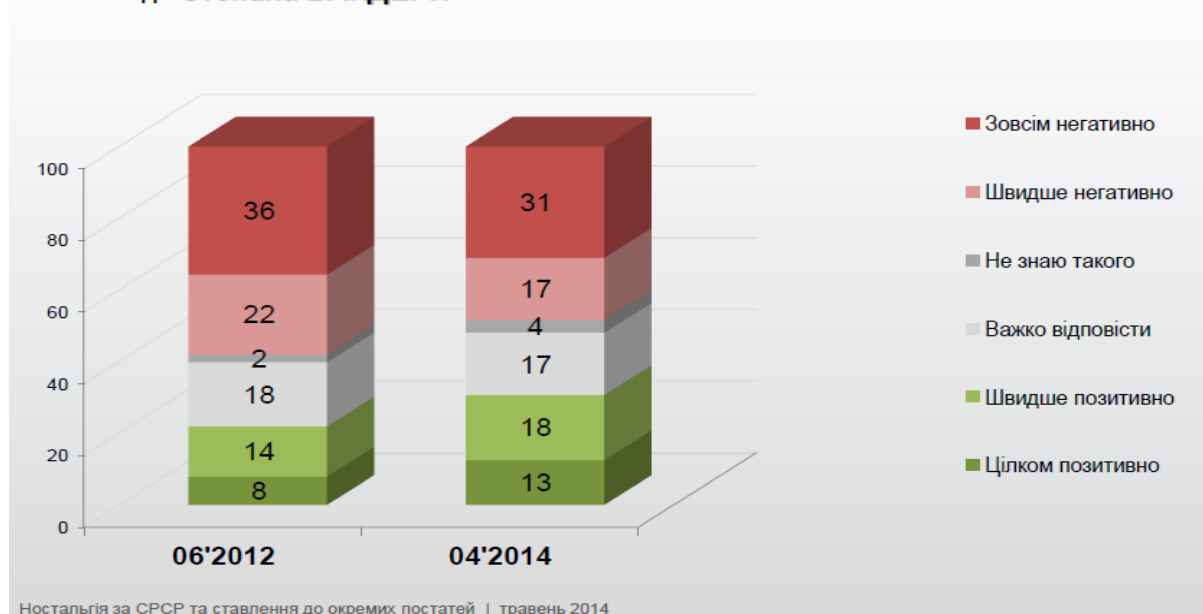
Я не буду здесь опровергать эту пропаганду, потому что считаю это бесполезной тратой времени: умный человек знает цену кремлевской пропаганде. Я также не собираюсь отрицать роль украинских националистов на Евромайдане или в правительстве. К примеру, Андрей Парубий, глава украинского парламента, в 2002 году был главой оргкомитета по сооружению памятника Бандере во Львове. Чтобы не терять время, я сведу свое мнение по этому вопросу к одному предложению: без украинских националистов Евромайдан, скорее всего, не победил бы, оставшись большим хэппенингом (как протесты Оккупай в Нью-Йорке или на Болотной в Москве), но украинские националисты не смогли победить Евромайдан. И во время протестов, и после их завершения они, если судить по результатам выборов и социологическим опросам, остаются достаточно маргинальной силой.

Чтобы показать сложность ситуации, ограничусь двумя примерами. Пример первый: ОУН-УПА имела два лозунга. Один более умеренный – «Слава Украине! Героям слава!», другой – антагонистический и ксенофобский: «Слава нации! Смерть врагам!». Была попытка на Евромайдане использовать два лозунга, но прижился только первый, второй не взяли. Второй пример: в январе, во время первой эскалации напряженности на Майдане, портрет Бандеры оказался на главном штабе восставших, здании городской администрации Киева. Однако этот портрет провисел только несколько часов, и его пришлось снять, поскольку большинство лидеров Майдана было против использования Бандеры в качестве главного символа. Он был заменен общенациональным и более нейтральным символом – портретом Тараса Шевченко⁵⁶.

Социологические опросы показывают: после Евромайдана количество людей, считающих Бандеру национальным героем или положительно относящихся к нему, несколько увеличилось. Тем не менее, Бандера остается региональным, а не национальным героем. Территория его популярности ограничивается только Западной Украиной, и то только той частью, которая в междувоенные годы входила в состав Польши (см. ниже карту).

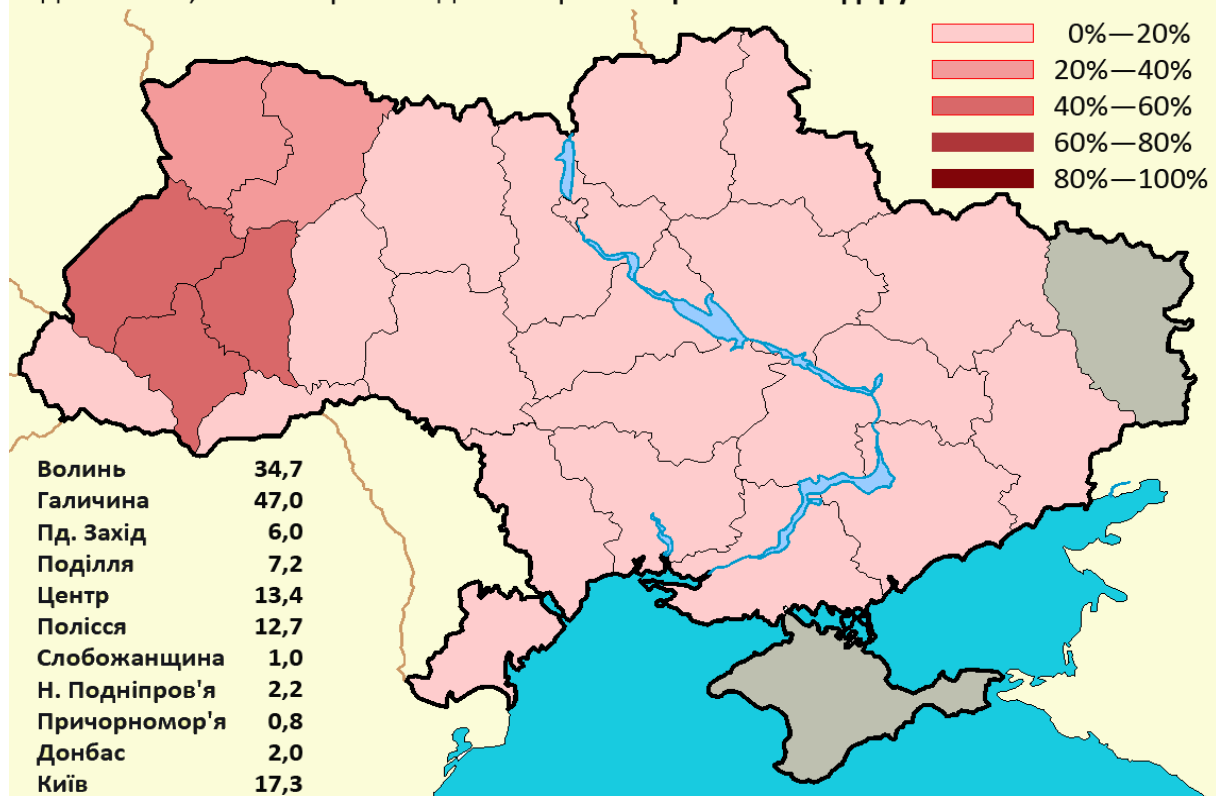
⁵⁶ Коновал В. Портрет Степана Бандеры сняли с КГГА // Комсомольская правда в Украине. 14 января 2014. <http://kp.ua/politics/433002-portret-stepana-bandery-snialy-s-khha>.

Ставлення до Степана БАНДЕРИ

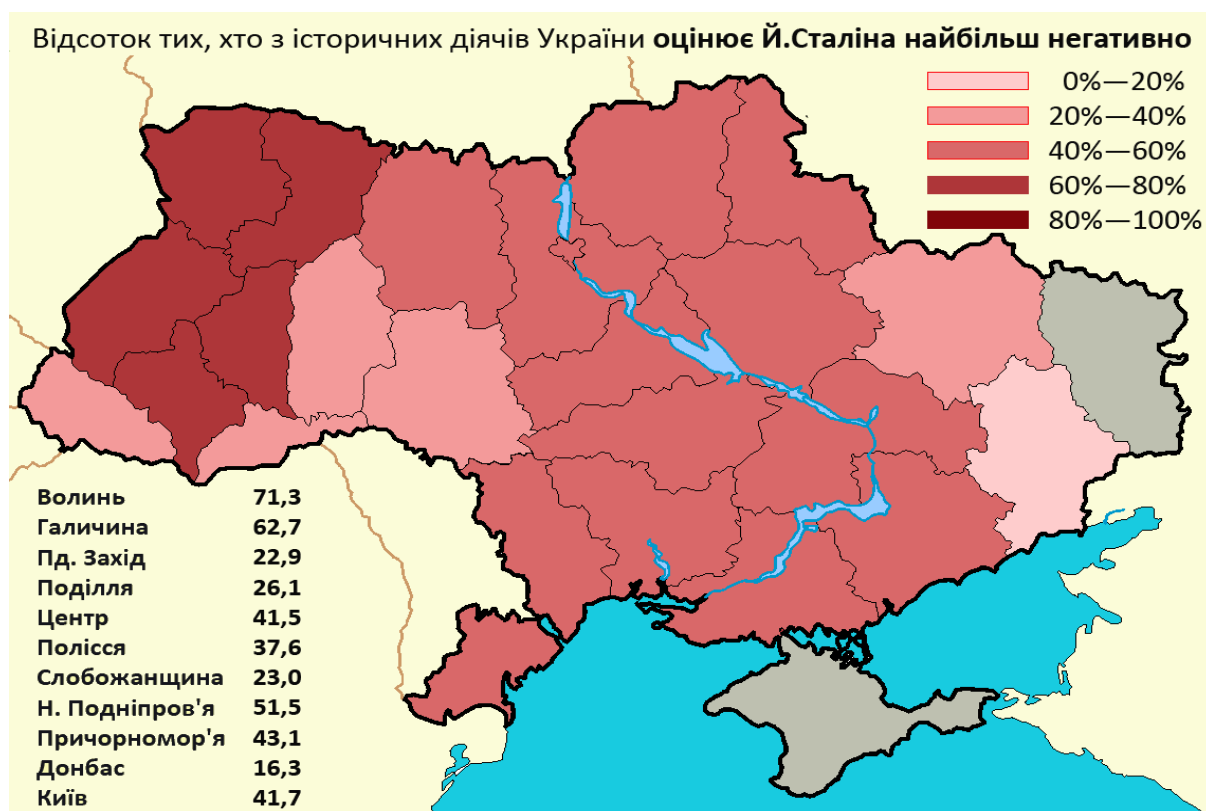
Источник: Ностальгія за СРСР та ставлення до окремих постатей. 5 мая 2014. http://ratinggroup.ua/research/ukraine/nostalgiya_po_ssr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html

Відсоток тих, хто з історичних діячів України оцінює Ст.Бандеру найбільш позитивно

Результати загальнонаціонального соціологічного опитування, проведеного в рамках проекту «Започаткування національного діалогу в Україні». http://icps.com.ua/assets/uploads/files/nd_opinion_poll_1_part_ua.pdf (опрос был проведен 25.12.2014-15.01.2015). Карту составил Орест Друль. Печатається с его разрешения.

Это видно и по географии памятников Бандере, и по географии улиц, названных его именем⁵⁷. В соседних Буковине и Закарпатье нет ни одного такого памятника или такой улицы. В остальной части Украины памятников Бандере почти не появилось, зато появилось несколько площадей или улиц в Киеве и в отдельных городах Центральной Украины. Память о Бандере и теперь разделяет Украину на две части. Потому, если вы хотите видеть две Украины, начинайте говорить о Бандере. Однако если вы хотите видеть одну Украину, говорите о Сталине. Практически все регионы, за исключением Донбасса, относятся к Сталину отрицательно или очень отрицательно.

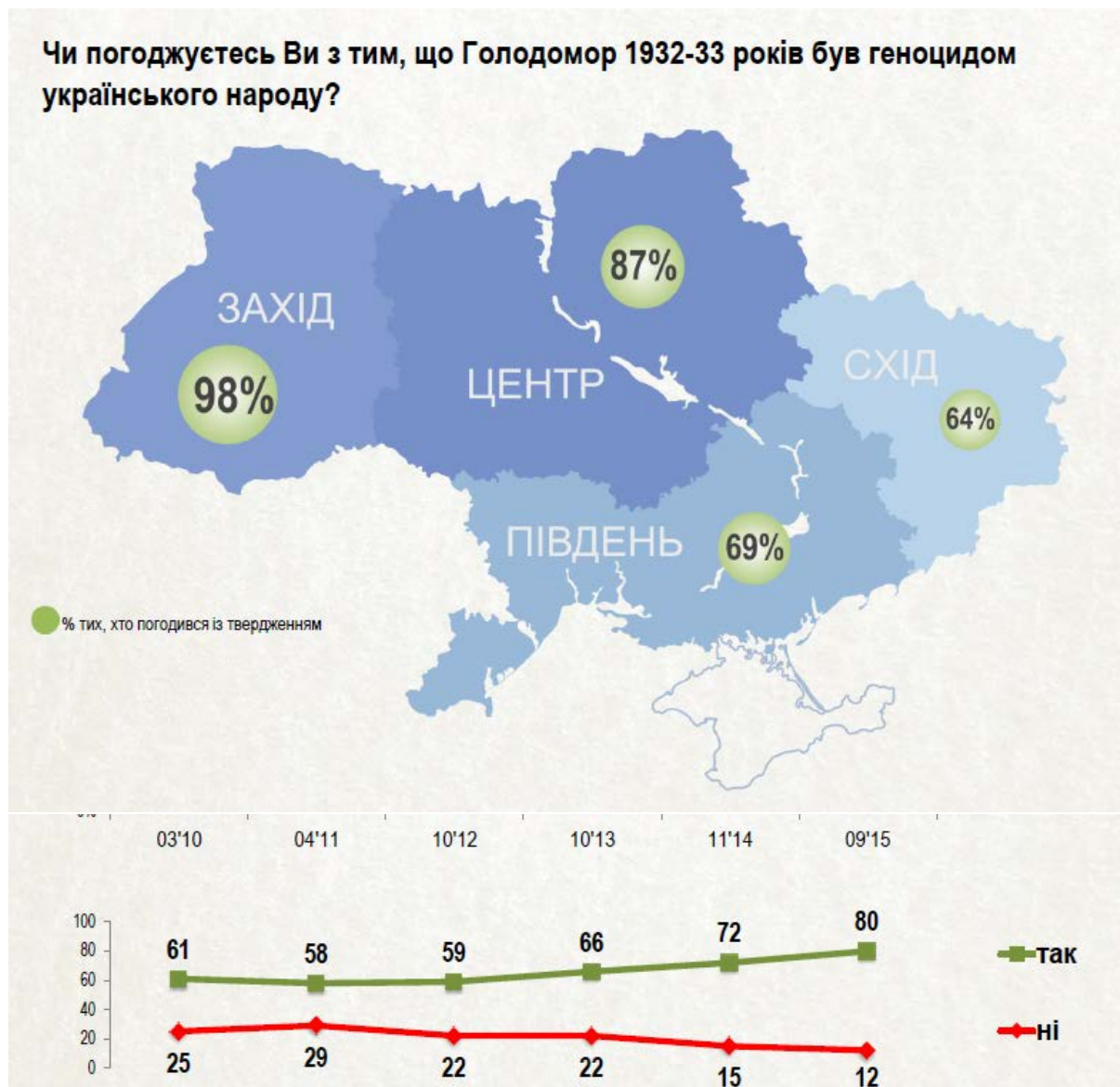

Результати загальнонаціонального соціологічного опитування, проведеного в рамках проекту «Започаткування національного діалогу в Україні». http://icps.com.ua/assets/uploads/files/nd_opinion_poll_1_part_ua.pdf (опрос был проведен 25.12.2014-15.01.2015). Карту составил Орест Друль. Печатається с его разрешения.

В Украине, в отличие от России, Сталин не считается архитектором победы во Второй мировой войне и человеком, поднявшим страну с колен. Имя Сталина в Украине связано, в первую очередь, с голодом. Политика Ющенко практически

⁵⁷ Печеник М., Улинець Н., Драпак М. Бандера на п'єдесталі: скільки насправді в Україні пам'ятників провіднику ОУН (інфографіка) // Дивись.інфо. 15 октября 2016. <http://dyvys.info/2016/10/15/bandera-na-pyedestali-skilky-naspravdi/>. 3 января 2017 г. на сайте Киевсовета появилась электронная петиция с призывом установить в центре украинской столицы памятник провіднику Степану Бандере – «В Інтернеті збирають підписи за пам'ятник Бандері в Києві // Історична правда. 06.01.2017 <http://www.istpravda.com.ua/short/2017/01/6/149431/>.

во всех направлениях была катастрофической. За одним исключением – политики исторической памяти о голоде. После принятия в 2006 году парламентом закона «О Голодоморе в 1932–1933 гг. в Украине» в течение нескольких последующих лет в обществе сложился общенациональный консенсус о том, что а) голод был, б) он имел организованный характер и в) характер геноцида. Успех политики исторической памяти о голоде объясняется довольно легко: это тот случай, когда официальная версия истории резонирует с личной (семейной) памятью большинства украинцев, включая русскоязычные области Востока и Юга Украины.

Динаміка ставлення до Голодомору. Листопад 2015. 24 ноября 2015. http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2015.html

Различие в отношении к Бандере и Сталину показывает, что ситуация в Украине с исторической памятью не является такой безнадежной, как может показаться на первый взгляд. Она оставляет пространство для маневра. Она также под-

сказывает возможный сценарий для такой политики: успешная историческая политика памяти в Украине может быть построена не на героях, которые, как Бандера, разъединяют, а на жертвах, которые объединяют.

Результати загальнонаціонального соціологічного опитування, проведеного в рамках проекту «Започаткування національного діалогу в Україні». http://icps.com.ua/assets/uploads/files/nd_opinion_poll_1_part_ua.pdf (опрос был проведен 25.12.2014-15.01.2015). Карту составил Орест Друль. Печатається с его разрешения.

Ставлення українців до світових лідерів. 10.02.2016. http://ratinggroup.ua/research/ukraine/otnoshenie_ukraincev_k_mirovym_lideram_yanvar_2016.html

Но главным антигероем в Украине является даже не Бандера и не Сталин. После аннексии Крыма эту роль исполняет Путин. Что важно, это отрицательное отношение сформировалось на протяжении последних лет, после Евромайдана и российской агрессии. До того общий баланс в отношении к нему был скорее положительным. Это приводит нас к следующему выводу: историческая память в Украине в значительной мере ситуативная и является результатом не столько исторической политики, сколько определенных политических обстоятельств.

Этот вывод очень важен для того, чтобы оценить деятельность теперешнего Института национальной памяти. Он был создан после победы первого Майдана, а после второго его возглавил молодой историк из Львова Владимир Вятрович, который очень активно продвигает националистическую модель памяти. В частности, его научные труды имеют целью приуменьшить ответственность ОУН за антиеврейские погромы и Волынскую резню⁵⁸. Институт национальной памяти и Вятрович подготовили закон «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке». Этот закон признает членов ОУН и УПА борцами за украинскую независимость и предусматривает ответственность (правда, не уточняет, какую именно) за отрицание этого факта⁵⁹.

Хотя Институт национальной памяти является государственным, его нельзя назвать выразителем официальной линии, поскольку такой линии не существует. Здесь будет достаточно двух примеров, связанных с Петром Порошенко. В конце 2015 года, выступая в Кнессете, он извинился за тех украинцев, которые принимали участие в Холокосте⁶⁰. В нынешнем году, во время визита в Варшаву, совпавшего с годовщиной резни в Волыни, Порошенко сделал символический жест – хорошо угадывается, откуда этот жест, – встал на колени перед памятником польским жертвам⁶¹.

В Украине не было и нет единого официального исторического дискурса, как нет и доминирующей исторической политики. Такое «многоголосие» или даже такая амбивалентность украинской политической элиты соответствует состоянию общественного мнения. Достаточно сказать, что 40% тех, кто считает Бандеру героем, одновременно относятся положительно к Петру Первому – одному из главных героев российского имперского дискурса. С другой стороны, Бандера стал популярным среди значительной части русскоязычного населения Украины

⁵⁸ См.: Курило, Химка. Як ОУН ставилася до євреїв?; Ильющин. Плохо забытое старое.

⁵⁹ Этот закон вызвал острую дискуссию как в Украине, так и за ее пределами. См.: http://mail.ukrainianstudies.org/pipermail/aaus-list_ukrainianstudies.org/2016-May/003747.html.

⁶⁰ См.: Виступ Президента України у Кнессеті Держави Ізраїль. 23 декабря 2015. <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-u-kneseti-derzhavi-izrayil-36552>. Это заявление было остро раскритиковано Олегом Ляшко, лидером Радикальной партии – одной из тех партий, которая была на стороне Евромайдана. Ляшко назвал это извинение «национальным позором». См.: Ляшко: Порошенко в Израиле унизил украинцев // Бизнес. 24 декабря 2015. http://www.business.ua/ukraine/lyashko_poroshenko_v_izraile_unizil_ukraintsev-272191/.

⁶¹ Как и в предыдущий раз, этот жест был осужден Олегом Ляшко. См.: <https://www.facebook.com/O.Liashko/posts/856960414372557>.

– что еще раз показывает, что ни «русскоязычное население», ни «Восток Украины» не являются гомогенными понятиями. Более того, во время Евромайдана появилась достаточно выразительная и многочисленная группа, которую полшутя-полусерьезно называют «жидобандеровцами» – украинские евреи, солидаризовавшиеся с протестующими⁶². Характерно, что именно лидеры этой группы были в числе тех, кто готовил текст выступления Порошенко в Кнессете⁶³.

Вместо заключения: «Третья Украина» как альтернатива?

Украинская ситуация очень сложная. И в этом ее главная прелесть и главный шанс, поскольку сложность ситуации создает поле для умного маневрирования и возникновения новых сценариев. Среди последних я особенно выделил бы появление нового дискурса – так называемой третьей Украины, Украины центра, как географического, так и идеологического – не националистического, не советского, а либерального⁶⁴. Его социальную базу составляет новый средний класс – в основном молодые и образованные люди, живущие в больших городах: Киеве, Днепропетровске, Одессе, Харькове, Львове и даже (до последнего времени) в Донецке. В частности, в этом дискурсе очень четко прослеживается новая тема – тема примирения. Как и все другие дискурсы, он далек от доминирования. Но, что важно, его представляют очень узнаваемые в Украине фигуры – такие, как Сергей Жадан, известный украинский писатель, герой Евромайдана в Харькове (во время которого он был жестоко избит антимайдановцами), и главная рок-звезда Украины, лидер наиболее популярной группы «Океан Эльзы» Святослав

⁶² Термин «жидобандеровцы» появился задолго до Евромайдана. Первое употребление этого термина, которое удалось нам найти, датируется событиями русско-грузинской войны 2008 г. Так обозвал «представителей так называемых "народов" – жидополяков, жидобандеровцов, жидогрузинов и прочих врагов и предателей нашей России» один из анонимных участников интернет-дискуссии *Обсуждение: Война 08/08/08*. http://lurkmore.to/Обсуждение_Война_08/08/08. Во время Евромайдана этот термин активно употребляли его противники. См.: Рубинштейн Л. Майдан и евреи // ВААД. Ассоциация еврейских организаций и общин Украины. 02.2014. <http://vaadua.org/news/lev-rubinshteyn-maydan-i-evrei>, а также запись Валерия Пекаря на фейсбуке: <https://www.facebook.com/valerii.pekar/posts/10200837139365465>. Эту информацию по моей просьбе собрал Михаил Мартиненко, за что приношу ему благодарность.

⁶³ Об этом мне рассказал Иосиф Зиссельс, один из еврейских общественных лидеров в Украине.

⁶⁴ Существует несколько текстов, которые пытаются артикулировать эту позицию. Наиболее выразительный из них: Дубинянский М. Золота середина // Українська правда. 28 червня 2010. <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/06/28/5173726>. Дубинянский сам по себе представляет одну из наиболее удивительных фигур украинского масс-медиапространства: информация о нем очень скудная: русскоязычный с Крыма, где окончил исторический факультет, живет и работает в Киеве, брат писательницы Я. Дубинянской. Он не появляется на публике, но пишет для популярных вебсайтов, практически каждая его публикация – это явление, которое провоцирует острые дискуссии. См., напр., его текст о Бандере: Дубинянский М. Герої не нашого часу // Українська правда. 13 жовтня 2016. <http://www.pravda.com.ua/authors/4ff6d671bc85a/>.

Вакарчук, который родом из Львова, но живет в Киеве и принимал активное участие в киевском Евромайдане. Эта «Третья Украина» не считает Бандеру своим героем, но в то же время не осуждает ни его сторонников, ни его врагов, а выступает за примирение тех и других на основе борьбы за более важные вещи – преодоление коррупции, создание правового государства, укрепления безопасности страны перед лицом внешних угроз и т.д.⁶⁵

По сути, идеологи «Третьей Украины» призывают к изменению парадигмы в способе мышления, что такое Украина и кто такие украинцы⁶⁶. Их точка зрения совпадает с подходом, который еще до распада Советского Союза сформулировал североамериканский историк Иван Лысяк-Рудницкий (1919–1984), родом из Львова, из смешанной украинско-еврейской семьи, а в послевоенной эмиграции – один из главных идеологов украинского либерализма. Он призывал к синтезу антагонистических политико-идеологических направлений как настоятельной необходимости для Украины в силу ее геополитической уязвимости и внутренней разобщенности, чреватой угрозой гражданской войны.

Лысяк-Рудницкий писал: «Необходим такой же способ мышления, который делает возможным иметь в Лондоне одновременно памятники Карлу I и Оливеру Кромвелю. Такое отношение не означает, что нельзя критиковать отдельные личности, группировки или идеи или занимать какую-то четкую позицию по спорным вопросам. Но оно требует всеохватывающего подхода, при котором прошлые и современные духовные и материальные достижения нации рассматриваются как общее достояние, а не как заслуга какой-то одной фракции. И, наоборот, это также предполагает готовность взять на себя часть моральной ответственности за ошибки и недостатки своей нации, даже если их допустили отдельные группы и личности»⁶⁷.

Я долгие годы занимаюсь популяризацией Лысяка-Рудницкого. Издал и прокомментировал его труды в Украине, а также вместе с моими польскими и российскими коллегами издал их переводы в Польше и России⁶⁸. Его предложения относительно исторической политики в Украине мне кажутся особенно про-

⁶⁵ Лекція Свободи Святослава Вакарчука // Media.forum. 27 мая 2016. <http://lvivmediaforum.com/2016/news/lektsiya-svobody-svyatoslava-vakarchuka/>; Не хотів би жити в Україні, яку уявляв Бандера. Але нинішньої України не було б, якби не він // Газета по українськи. 16 августа 2016. http://gazeta.ua/articles/culture-journal/_ne-hotiv-bi-zhiti-v-ukrayini-yaku-u-yavlyav-bandera-ale-ninishnoyi-ukrayini-ne-bulo-b-yakbi-ne-vin/717539?mobile=true; Сергій Жадан у Луцьку: про порозуміння прихильників Бандери і Махна // Волинські новини. 6 августа 2016. <http://www.volynnews.com/news/society/serhiy-zhadan-u-lutsku-pro-porozuminnia-trykhylnykyiv-bandery-i-makhna/>

⁶⁶ В частности, Вакарчук сознательно употребляет термины «парадигма» и «парадигмальные изменения», когда описывает характер изменений в Украине. См.: Лекція Свободи Святослава Вакарчука; Если ты не стреляешь первым, то защищаешься: лидер «Океана Ельзи» Святослав Вакарчук о Майдане и единстве Украины // Lenta.ru. 7 марта 2014. <https://lenta.ru/articles/2014/03/07/vakarchuk/>.

⁶⁷ Лысяк-Рудницкий. Между историей и политикой. С. 484.

⁶⁸ См.: Лысяк-Рудницкий І. Историчні есе. Т. 1-2. К., 1994; Łysiak-Rudnicki I. Między historią a polityką. Wrocław, 2012, а также сноску выше.

дуктивными. Меня критикуют за такой поход: более агрессивно – украинские националисты⁶⁹ и менее агрессивно – некоторые мои западные коллеги⁷⁰, которые считают, что я, как и другие украинские либералы, проявляю слабость и не в силае отказаться от националистического наследия вместе с его главным символом – Бандерой.

По существу, в последнем случае речь идет о применении в Украине той немецкой модели исторической памяти, которая сложилась после революций 1968-го и 1989 года и которая состоит в безоговорочном осуждении наследия и нацизма, и коммунизма. В конце концов, эта модель не сработала ни в одной стране бывшего социалистического лагеря⁷¹. Но в Украине она не работает по особым причинам. В первую очередь – в связи с русской угрозой, которая, как оказалось в 2014 году, не является только вымыслом украинских националистов, Украине необходим хотя бы необходимый минимум общенационального консенсуса для того, чтобы выжить и выстоять. Говоря словами того же Лысяка-Рудницкого, «гражданская война для Украины – непозволительная роскошь»⁷². А предотвращение угрозы гражданской войны и необходимость консенсуса предполагают союз с временными попутчиками (или, как говорят по-английски, *strange bedfellows*) – в том числе с украинскими националистами.

В связи с этим моя позиция проста: я не считаю Бандеру своим героем, но я считаю, что он имеет право существовать как часть украинского исторического мифа – в той мере (и только в той мере), в какой он является символом украинского сопротивления, а не ксенофобии и антисемитизма. В этом, как мне кажется, моя позиция близка не только позиции Ивана Лысяка-Рудницкого, но и позиции Сергея Жадана, Вячеслава Вакарчука, а также Яна Гросса и Костки Герберта. Только когда я буду видеть, что он используется главным образом как символ ксенофобии, я буду считать, что его миф переступил опасную черту, а поэтому требует немедленного вмешательства.

⁶⁹ В 2004, а потом опять в 2011 Аскольд Лозинский, один из лидеров бандеровцев среди североамериканской диаспоры, требовал от Украинского католического университета уволить меня с работы. В 2011 г. Юрий Михальчишин, один из лидеров ВО «Свобода», угрожал, что, когда его партия придет к власти, для таких людей как я не будет места в Украине. См.: ШОК. Михальчишин обещает уничтожить украинскую интеллигенцию // UA.info. 14 октября 2011. <http://uainfo.org/blognews/6582-sho-mihalchishin-obeschaet-unichtozhit-ukrainskuyu-intelligencyu-video.html>. В 2012 г. неизвестные (предположительно, члены «Свободы») разыскивали меня, выдавая себя за милиционеров. См.: Известный историк Грицак заявляет о преследовании неизвестных в кожанках // Цензор.нет. 9 марта 2012. http://censor.net.ua/news/199722/izvestnyy_istorik_gritsak_zayavlyaet_o_presledovanii_neizvestnyh_v_kojankah.

⁷⁰ См., напр.: Rossolinski-Liebe. Stepan Bandera. P. 520.

⁷¹ Hockenos P. Can Germany Help Central Europe Confront Its Dark Past? // The Chronicle of Higher Education. 4 March 2012. <http://www.chronicle.com/article/Can-Germany-Help-Central/130970/>; Freimüller T. Is «Vergangenheitsbewältigung» Germany's Most Successful Export? // Goethe-Institut. 2012. http://www.lauramatheny.com/uploads/5/7/1/5/57157975/goethe_institute_article--vergangenheitsbew%C3%A4ltigung.pdf.

⁷² Лысяк-Рудницкий. Между историей и политикой. С. 484.

Конечно, эта позиция не идеальная и не гарантирует успеха. Но я полагаю, что главный успех в преодолении прошлого измеряется не переименованием улиц или законами о политике исторической памяти. Прошлое преодолевается модернизацией, то есть радикальными политическими и экономическими реформами. Опыт путинской России и ющенко-януковичевской Украины убеждает меня в том, что чем меньше успеха в модернизации или когда от нее вообще отказываются, тем больше политики исторической памяти. Наши разговоры об исторической памяти тем и опасны, что мы без достаточных на то оснований считаем, что она играет очень важную, чуть ли не главную роль в преодолении прошлого. И это еще одна причина, почему я не слишком люблю говорить на эту тему. Если Украина и в этот раз потерпит неудачу с реформами, определенная часть ответственности будет лежать и на нас, историках – тех из нас, которые с упоением праведников будут рассказывать и советовать, как лечить историческую память, вместо того, чтобы менять саму историю.